

На правах рукописи

ФЕДОСЕЕВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

**ЛЕКСИКА СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ
КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА**

Специальность – 10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(финно-угорские и самодийские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2002

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института языка, литературы
и истории Коми научного центра
Уро РАН

Ракин Анатолий Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук

Насибуллин Риф Шакрисламович

кандидат филологических наук,
доцент

Лобанова Алевтина Степановна

Ведущее учреждение:

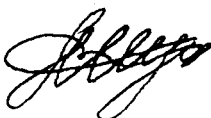
Сыктывкарский государственный университет

Защита состоится 17 декабря 2002 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета К 212.275.02 по защите диссертаций на
соискание учёной степени кандидата филологических наук при
Удмуртском государственном университете по адресу: 426034 г. Ижевск,
ул. Университетская, дом 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского
государственного университета.

Автореферат разослан «___» _____ 2002 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук



А.Ф.Шутов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена комплексному исследованию лексического состава северного наречия коми-пермяцкого языка в синхронном и диахроническом аспектах.

Актуальность исследования.

Под влиянием коми-пермяцкого литературного и русского языков происходит переход исконного словарного фонда диалектов в разряд пассивной лексики и последующая его утрата, а также постепенная нивелировка особенностей северного наречия. Между тем, без всестороннего исследования северного наречия коми-пермяцкого языка нет возможности решения ряда проблем коми-пермяцкой, коми-зырянской, пермской и финно-угорской компаративистики. Реликтовые черты, сохранившиеся в говорах северного наречия коми-пермяцкого языка, могут помочь в исследовании словарного состава пракоми, прапермского языков, при изучении проблем языковых контактов и тем самым дать возможность глубже проникнуть в историю языка.

Исследование диалектных особенностей северного наречия коми-пермяцкого языка даст возможность на новом уровне поставить вопрос об общекоми языке и месте коми-пермяцкого языка в структуре пермских языков.

Кроме того, лексика представляет собой особую сферу языка, структурные единицы которой могут быть охарактеризованы как ценный материал, отражающий особенности духовной жизни, хозяйственного уклада, социальной организации носителей северного наречия, как составной части коми-пермяцкого, а также коми населения.

Цели и задачи исследования.

Целью работы является комплексный синхронный и сравнительно-исторический анализ словарного состава северного наречия коми-пермяцкого языка. Выполнение этой цели требует решения следующих задач:

- сбор, фиксация и проверка лексического материала;
- общий анализ словарного состава северного наречия;
- лексико-тематический анализ заимствованной лексики;
- выявление ареалов распространения диалектных лексем и попытка обоснования изоглоссных явлений;
- выявление предпосылок появления диалектных лексических особенностей.

Методы исследования.

При исследовании лексики северного наречия коми-пермяцкого языка мы использовали синхронно-лексикографический, сравнительно-сопоставительный, лингвогеографический, описательный методы.

Источники исследования.

Исследование проводилось на лексическом материале, собранном из немногочисленных доступных лексикографических источников, научных работ Р.М.Баталовой, А.С.Лобановой, Р.П.Дмитриевой. Основной материал собран и проверен нами во время диалектологических экспедиций в Косинский (с. Пуксиб, д. Варыш, д. Киево, Д. Вильбыб, с. Чураки, с. Левичи, д. Сенино, с. Чазёво, д. Пеклабыб, д. Пятигоры), Кочёвский (с. Б-Коча, д. М-Коча, д. Пузым, д. Пармайлово, с. Юксеево, с. Пелым, д. Отопково, д. Сизово, д. Москвино, д. Кукушка, д. Хазово, д. Гаинцово, д. Петрушино, д. Лобозово) и Гайнский (д. Иванчино, д. Харино, д. Данилово, п. Жемчужный, д. Мысы, д. Сойга, д. Конопля) районы Коми-Пермяцкого автономного округа в 1999, 2000, 2001 гг. Первоначальный сбор диалектного материала производился в процессе непосредственного наблюдения над потоком живой непринуждённой речи носителей наречия (преимущественно коренных жителей старшего возраста). В дальнейшем собранный материал был систематизирован и представлен в виде программы, включающей следующие вопросы: 1) “Как у вас называется?” и 2) “Употребляется ли у вас слово и в каком значении?”. При работе по вопроснику в качестве информаторов выбирались коренные жители старшего поколения. Собранный материал частично проверен у средневозрастных носителей говоров и молодёжи. Была обследована почти вся территория северного наречия, полученный материал проверен на территории южного наречия.

Степень изученности темы.

Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка изучены крайне недостаточно и неравномерно. Из четырёх территориальных разновидностей только два диалекта рассматривались в качестве объекта исследования кандидатских диссертаций: кочёвский и косинско-камский. Северное наречие и составляющие его диалекты как часть коми-пермяцкого языка представлены в обобщающих работах Р.М.Баталовой. Специфика имеющихся немногочисленных работ по северному наречию заключается в том, что в них описаны фонетические и морфологические особенности соответствующих диалектов. Что касается лексики, то она не только не являлась предметом специального исследования, но и до сих пор остаётся не выявленной и не зафиксированной.

Научная новизна

Предлагаемая работа представляет собой первое специальное исследование лексики северного наречия коми-пермяцкого языка. До настоящего времени общенародный словарный фонд коми-пермяцкого языка, а также собственно диалектная лексика не являлись объектом системного исследования. В работе предпринята попытка полного охвата лексического состава северных диалектов, сравнение его с лексикой южного наречия. В связи с этим:

1) в научный оборот введён новый лексический материал. Нами выявлено около 450 ранее не зафиксированных слов. По основным населённым пунктам северного наречия по специально разработанному вопросу проверено функционирование 700 лексических единиц.

2) впервые достаточно последовательно описана лексическая система северного наречия коми-пермяцкого языка с точки зрения происхождения;

3) впервые рассмотрена русская заимствованная лексика; выявлены основные тематические группы, уточнены источники заимствования;

4) впервые в коми языкознании последовательно описана эмоционально-экспрессивная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка;

5) впервые описаны современные процессы в лексике северного наречия коми-пермяцкого языка;

6) впервые в коми-пермяцком языкознании для исследования лексического материала был использован лингвогеографический метод;

7) впервые рассмотрено ареальное распространение диалектных слов, позволившее выделить наиболее чётко очерченные ареалы на лексическом уровне;

8) впервые выявлены предпосылки возникновения лексических диалектных различий.

Теоретическая и методологическая основа.

Теоретической и методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных по пермскому и финно-угорскому языкознанию, русской диалектологии, а также по другим языкам СНГ и зарубежья.

Практическая значимость.

Практическая значимость работы заключается в том, что собранный лексический материал может быть использован при составлении диалектных словарей, сравнительного словаря коми-пермяцких диалектов, диалектологического атласа коми языка (коми-пермяцкого и коми-зырянского). Работа может быть применена при анализе лексики южного наречия коми-пермяцкого языка, при сравнительно-историческом изучении коми и пермских языков в целом, а также историками, этнографами и археологами в качестве дополнительного материала. Кроме того, представленный в исследовании материал может быть использован при составлении лекционных курсов, спецкурсов, спецсеминаров и учебных пособий по диалектологии и диалектной лексикологии, истории коми-пермяцкого языка, коми-пермяцкой лексикологии.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации отражены в 8 публикациях, а также апробированы в виде докладов на зональных, региональных и международных симпозиумах и конференциях в г. Сыктывкаре, г. Кудымкаре, г. Перми, г. Ижевске, г. Москве.

Структура и объём работы.

Диссертация состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения, списка сокращений, двух приложений, которые представляют собой краткий словарь диалектных слов северного наречия коми-пермяцкого языка и карты лингвогеографического характера.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В предисловии обосновывается актуальность диссертационной работы, излагаются цель и задачи, источники исследования, степень изученности темы и научная новизна полученных результатов.

Во введении освещается история изучения диалектов северного наречия коми-пермяцкого языка, их современное состояние, фонетико-морфологические особенности, даётся физико-географическая и демографическая характеристика региона исследования.

Глава 1. Общая характеристика лексики северного наречия коми-пермяцкого языка.

Данная глава посвящена анализу словарного состава северного наречия.

В лексике северного наречия коми-пермяцкого языка можно выделить исконный и заимствованный пласты.

Исконная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка является основой словарного состава и характеризуется длительной временной устойчивостью. В зависимости от исторического развития языка в исконной лексике северного наречия различается несколько пластов: уральский, финно-угорский, финно-пермский, прапермский, пракоми, общеккоми-пермяцкий и севернокоми-пермяцкий.

Уральский пласт.

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие группы слов, восходящих к уральскому (и доуральскому) праязыку: 1) местоимения: мэ “я”, ми, мийё “мы”, кин “кто”; 2) названия органов, частей тела, выделений и болезней живого организма: син “глаз”, мус “печень (чаще печень животных)”; 3) названия, связанные с родством: ныл “дочь”, монь “сноха, невестка”; 4) слова, связанные с природой: гыбалны “плескаться (о рыбе)”, ты “озеро”; 5) названия растений: льём «черемуха, ягоды черемухи», пул- в слове пульгягд “брусника”; 6) названия, связанные с животным миром: варыш “коршун”, кол- в слове колгаг ‘глист’; 7) названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): полны “бояться”, сёскыны “жевать, разжевать”; 8) слова, служащие для ориентации в пространстве: выл “верх, верхняя часть”, бёр “зад, задняя часть”; 9) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста (прилагательные): кузь “длинный”, пемыт “темный”; 10) слова, обозначающие

жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения: пуны “варить”, сынны “грести”, кулём “сеть” и т.д.

Таким образом, лексические единицы, восходящие к уральскому праязыку, называют наиболее важные, жизненно-необходимые предметы, явления, действия. Следует отметить, что большинство перечисленных слов дошло до наших дней без семантических изменений: ср. съёлём “сердце” < *sīdā(-mz) (sūdā(-mz) “сердце”, поз “гнездо” < *pesä “гнездо”, олны “жить” < *elä “жить” и т.д.

В ряде слов северного наречия, восходящих к уральскому праязыку, в ходе развития языка произошла трансформация семантического наполнения: пон “конец” < *pāŋe “голова”, варыш “коршун” < *warz “ворона” и т.д. Некоторые лексические единицы употребляются с дополнительными значениями: мунны “идти”, “ехать” < *mene “идти”, кыл “язык”, “слово” < *kele (kéle) “язык, речь”, ва “вода”, “река” < *wete “вода” и т.п. В отдельных словах можно наблюдать сужение лексического наполнения: *pālā “половина; сторона; бок” > пёл “один из пары”, “сторона чего-либо (чаще о берегах реки)”.

Выделяется группа слов, восходящих к уральскому праязыку, которые в современных диалектах северного наречия коми-пермяцкого языка сохранились как часть сложного слова: пул- *pola “ягода” > пульягёд “брусника” (букв. ягода + ягода), кол- *kälz “глист” > колгаг “глист” (букв. глист + червь).

Часть древних слов, происхождение которых относят к уральскому и доуральскому периодам, в северном наречии была утрачена. В настоящее время вместо них употребляются лексемы более позднего образования или заимствования.

Финно-угорский пласт.

В северном наречии коми-пермяцкого языка употребляются следующие слова финно-угорского происхождения: 1) числительные: ётік “один”, сё “сто”; 2) местоимение: сія “он, она, оно”; 3) названия органов, частей тела: тырп “губа”, мыгёр “тело, туловище”; 4) названия, связанные с родством: ич- в слове ичмонь “невестка сразу после свадьбы”, пи “сын”; 5) названия, обозначающие природные явления: тулыс “весна”, лёп “мусор, плывущий по воде”; 6) названия растительного мира: дын “комель”, поньль “молодое хвойное дерево”; 7) названия животного мира: бодьёг “куропатка”, сын “язь”; 8) названия минералов и металлов: -ки “камень” в слове изки “жернов”; 9) названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий (глаголы): пидзыртны “выжать”, сималны: кынём сималё “есть хочется” (букв. живот голодает); 10) слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: ви “предел чего-либо”; 11) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний: тшёк “густой”, виль “новый”; 12) слова, обозначающие жилище, предметы быта, занятия, питание, одежду, сред-

ства передвижения: **луйны** “стрелять”, **пизь** “мука”; 13) верования: **лол** “дух, душа”, **куль** “бес” и т.д.

Большинство древних слов, восходящих к финно-угорскому праязыку, сохранились в северном наречии без семантических изменений: **ой** “ночь” < *eje* (*üje*) “ночь”, **сёйны** “есть, кушать” < **sewe-* (*seŋe-*) “есть”. В некоторых лексемах произошла трансформация значения: **сөп** “желчный пузырь” < **säppä* “желчь”, **пидзыртны** “выжать” < **pisz-rz-* “мять, сжать”. В ряде слов наблюдается сужение семантики: **лөдз**, употребляющаяся в северном наречии со значением “овод”, в финно-угорском праязыке имела более широкую семантику: ср. **lupsz* “овод, слепень; муха” (UEW:256). Часть слов потеряла статус самостоятельной лексической единицы и употребляется в качестве компонента в составе сложных слов: **icä* (*ücä*) “мало, маленький” в лексеме **ич-монь** “невестка сразу после свадьбы”, **mol* “ягода какого-то кустарника” в **туримоль** “клюква”, **нюрмоль** “тж”. Лексическая единица **сималны**, восходящая к финно-угорскому **s’omz* “голод, жажда” (UEW:485) в настоящее время имеет несвободное (связанное) значение: ср. **кынём сималө** “есть хочется” (букв. живот голодает).

Большая часть древних слов употребляется повсеместно в северном наречии. **Кызь** “двадцать”, **сё** “сто”, **пи** “сын” имеют узколокальный характер функционирования (мысовско-лупьинские говоры).

Финно-пермский пласт.

В диалектах северного наречия сохранились следующие группы лексических единиц финно-пермского происхождения: 1) названия частей тела: **тош** “борода”, **си** в словах **юрси** “волосы”, **бурси** “грива”; 2) названия, связанные с родством: **ай** “отец”; 3) названия, обозначающие явления природы: **кось** “перекат”, **пыдөс** “дно”; 4) названия, обозначающие растительный мир: **жо** “калина”, **чуж** “проращенная рожь; солод”; 5) названия представителей животного мира: **сизь** “дятел”, **порсь** “свинья”; 6) названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий: **судзны** “доставать”, **казялны** “заметить, обнаружить”; 7) слова, служащие для выражения ориентации в пространстве: **вел-** в слове **велдөр** “верх”; 8) названия, служащие для выражения различных качеств, свойств, состояний и возраста: **пöрись** “старый”, **көдзыт** “холодный”; 9) Слова, обозначающие жилище, занятия, питание, одежду, средства передвижения: **пыж** “лодка”, **шöрт** “пряжа”; 10) числительные: **сизим** “семь”.

Часть слов в северном наречии имеет значения, тождественные финно-пермским: **сотны** “жечь, палить” (ср. **sšitš* “жечь, палить”), **пожым** “сосна” (ср. **pesä* ~ *penšä* “сосна”) и т.д. В ряде слов, восходящих к финно-пермскому праязыку, наблюдается изменение семантики: **тош** “борода” (ср. **teškä* (*tekšä*) “что-то выступающее: острие, борода, колос, трава, растение”). Некоторые лексемы употребляются как второй компонент

сложного слова: **pola* “какая-то задняя часть тела (спина, плечо, затылок, зад, хвост)” в *пель-пон* “плечо”, **šistz* (*šikstz*) “воск” в *ма-сісь* “свеча”.

Подавляющее большинство перечисленных слов употребляются во всех говорах северного наречия. Некоторые слова имеют локальное распространение: *кось* “перекат”, *нартён* “соединив две лыжи и сделав из них наподобие саней”.

Часть лексических единиц финно-пермского происхождения оказалась утраченной в результате их замены словами более позднего происхождения или заимствованиями.

Прапермский пласт.

В лексике северного наречия сохранились следующие слова прапермского происхождения: 1) названия, связанные с земледелием: *ёг* “сор, мусор”, *чарла* “серп”; 2) названия представителей фауны: *курёг* “курица”, *пода* “скот”; 3) названия, связанные с пищей прапермян: *нёк* “сметана”, *нянь* “хлеб, тесто”; 4) слова, связанные с одеждой и её изготовлением: *пась* “шуба”, *суса* “челнок”; 5) наименования орудий труда: *зор* “жердь”, *пыридз* “лом, пешня”; 6) слова, связанные с металлургией: *дорны* “ковать”; 7) слова, связанные с передвижением и средствами передвижения: *додь* “сани, дровни”; 8) лексемы, связанные с постройками: *гор* “печь”, *мудёт* “завалинка”; 9) слова, связанные с абстрактными понятиями: *садь* “сознание, чувство”, *вёт* “сновидение”; 10) числительные: *сюрс* “тысяча”, *ёкмыс* “девять” и др.

Большая часть слов северного наречия, восходящих к прапермскому языку, сохранила первичные значения, например: *ид* “ячмень”, *нямыр* “костяника”, *кер* “бревно” и т.д., числительные. Трансформация семантики наблюдается в словах: *мёс* “корова”, *чёскыт* “вкусный, сладкий” и т.д.

Почти все лексемы, восходящие к прапермскому языку, общеупотребительны в северном наречии коми-пермяцкого языка. Исключение составляют *азыгум* “борщевик”, *комын* “тридцать”, *сюрс* “тысяча”, функционирующие только в мысовско-лупьинских говорах.

Часть прапермских названий являются исконными, часть была заимствована из древне-чувашского и иранского языков.

Пракоми пласт.

Пракоми, или общекоми, лексика включает в себя слова, общие для всех коми территориально-языковых разновидностей: коми-зырянского, коми-пермяцкого и коми-язьвинского. В основном это производные слова, образованные из общих корней прапермского языка-основы, и новые заимствования. В северном наречии коми-пермяцкого языка с этого периода сохранились, например, такие слова: *кинния* “кроме” (ср. кз. *киння*, *тиння* “кроме как, не более чем”), *вежань* “крёстная мать” (ср. кз. *вежань* “крёстная мать”), *нузгыны/назгыны* “гнусавить” (ср. кз. *назгыны*, *нускыны* “гнусавить”), *сьёлмёс* “сердцевина” (ср. кз. *сьёмёс* “сердцевина”) и т.д.

Преобладающее большинство лексических единиц, восходящих к пракоми языку, сохранило исконную семантику. В ряде слов наблюдается расхождение значений.

Общекоми-пермяцкий пласт.

Под термином *общекоми-пермяцкая лексика* мы понимаем лексические и семантические единицы, бытующие в речи северных и южных коми-пермяков и не встречающиеся в коми-зырянском языке. К данной группе относятся языковые единицы, возникшие в период обособленной жизни коми-пермяков. Приведём несколько примеров: **чикись** “коса” (ср. кя. чикиль, кз. кёса “тж”), **ылёса** “умный, толковый” (ср. кз. тёлка, вежёра, авья, сюсь “тж”), **арттём** “бестолковый” (ср. кз. абу сюсь, тёлктём “тж”), **вежъягёд** “морощка” (ср. кз. мырпом “тж”) и т.д.

Общекоми-пермяцкие лексические единицы в основном являются производными, образованными от общих корней пракоми языка. Новые слова образованы 1) при помощи суффиксации: **арт** “порядок” > **арттём** “беспорядочный, бестолковый”, **гаг** “червь” > **гагсялны** “червиветь”; 2) способом словосложения: **вежъягёд** “морощка” < **веж** “жёлтый” + **ягёд** “ягода” и т.д. Некоторые лексические единицы в общекоми-пермяцкий период изменили свою семантику: **шогалны**, **шогавны** “болеть”, кя. **шогалне** “сильно болеть” (ср. кз. шогавны “печалится, горевать, скорбеть, грустить, тужить; болеть, мучаться (во время родов)”).

Севернокоми-пермяцкий пласт.

В словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка употребляются лексические единицы, не имеющие в настоящее время зафиксированных параллелей в южном наречии и в близкородственных языках: **няп** “шиповник”, **киpezёл** “неспокойный (о ребёнке)”, **нёлмём**: **нёлмём ва** “чуть потеплевшая вода”. Одни из них исконны, другие (напр., **няп** “шиповник”, **киpezёл** “неспокойный”, **нёлмём** “чуть тёплый”) вызывают затруднения при этимологическом анализе. Они могут быть как исконными лексическими единицами, утраченными близкородственными языками, так и заимствованиями.

Заимствованная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка.

В северном наречии коми-пермяцкого языка имеется большое количество заимствованных лексем, воспринятых языком в результате контактов предков современных коми-пермяков с другими народами в разные периоды исторического развития. В современном словарном составе северного наречия имеются слова **индоевропейского** происхождения: **ма** “мёд”, **кёин** “волк”; **прандиоиранского** происхождения: **сё** “сто”, **вуг** “ручка чего-либо”, **вож//ож** “оглобля”, **кундыны** “завалить”; **иранского** происхождения: **курёг** “курица”, **ёш** “бык”, **шуд** “счастье”, **сур** “пиво”, **нялда** “мокрица”; **булгарские** (или **древнечувашские**) заимствования: **бус** “пыль”, **кёч** “заяц”, **кушман** “редька”, **чуман** “берестяная коробка”; **вепские** заимствования: **калля** “жидкий квас”, **карта** “дом, хозяйство”.

раб “бадра”, лудык “клоп” и мансийское заимствование чумпель “берестяной черпачок”.

В процессе развития языка одни заимствования остались без изменений (напр., ма “мёд” < и.-е., зёр “овёс” < ир.), другие претерпели семантические изменения (напр., пода “скот” < иранск., ср. памирско-иранск., тадж. “стадо” (КЭСК:223), зон “сын” < ир., ср. осет. “дети”, авест. “рождать”, др.-инд. “человек, создание” (КЭСК:106).

Наибольший пласт в составе иноязычной лексики северного наречия коми-пермяцкого языка образуют **русские заимствования**. В составе заимствованной лексики можно выделить тематические группы, характеризующие практически все сферы жизни человека: **падера** “сильный ветер со снегом”, **рамень** “сырое место”, **кёбрег//пёгреб** “постройка для хранения различных припасов”, **бжог** “палка для помешивания в печи” (мыс.-луп. хар. пятиг. б-коч. иванч. пел. дан.), **паголь** “шерстяные гольфы без носка”, **назём** “навоз”, **жвакуйтны** “жевать жвачку”, **сакар** “сахар”, **тесьть** “тесть”, **повитришшо** “болезнь, напущенная по ветру”, **ватлайтны** “говорить вздор, болтать”, **веснёдельной** “заготовленный весной”, **бодёр** “бодрый, энергичный”, **недодка** “рыболовная снасть” и т.д.

В ряде случаев заимствование вводится с целью дифференциации объектов номинации. Так, слово **пиво** употребляется в значении “покупное пиво”, а исконная лексема **сур** — “домашнее пиво, т.е. приготовленное в домашних условиях”. Иногда заимствованные слова дублируют исконные названия: например, **шыд** “суп” и **суп** “тж”. Довольно часто заимствования становятся более употребительными и вытесняют исконные слова в пассивный словарный запас: **ёлка** (вм. кёз “ель”), **калина** (вм. жо “калина”) и т.п. Некоторые из русских лексем, войдя в язык северных коми-пермяков, заменили исконные слова: лексема **басёк** “красивый” вытеснила исконное слово **мича** (общеп. *müč’ (КЭСК:172)), **шуда** (общеп. *šud- (КЭСК:323)) “счастливый”, вероятно, было вытеснено заимствованием **счастливой//часливой** “тж”.

В составе заимствованной лексики русского происхождения в северном наречии коми-пермяцкого языка можно выделить две группы по источнику заимствования. Первую группу образуют лексические единицы, вошедшие из локальных говоров русского языка. Проникновение их первоначально происходило через устно-разговорную речь. Источником большинства слов, проникших из диалектов, были **севернорусские говоры**. Приведем несколько примеров: лексема **бодричыны** “нарядно одеваться” < *бодриться* Орлов. Курск, Калуга. Ряз. Пск. Перм. Свердлов. “наряжаться, нарядно одеваться, щеголять” (СРНГ 3 : 57); **неминя** “надо, необходимо” < *неминя* Арх. Перм. “надобность, нужда в чем-либо” (СРНГ 21 : 43); **паграс** “туча, облако” < *пагра* Арх. “вата” (СРНГ 25 : 115) и т.п.

Некоторая часть русских слов была заимствована, вероятно, из южнорусских говоров. Например: бакерок “фляжка” < *бакирок* Курган. “ведро” (СРНГ 2 : 59).

Вторую группу образуют заимствования, вошедшие в коми-пермяцкий язык из русского литературного языка: школа “школа”, трактор “трактор”, фиолетовый “фиолетовый” и другие. Через русский язык проникает в язык северных коми-пермяков большое количество интернационализмов.

Употребление заимствованных лексем северного наречия коми-пермяцкого языка, в сопоставлении с функционированием их в языке-источнике, позволяет выделить:

1. Наименования предметов, явлений, признаков, не претерпевшие существенных семантических изменений: гайтан “шнурок для нательного креста” < рус. *гайтан* “шнурок, на котором носят нательный крест” (Даль 1: 408), ветляной “живой, подвижный, расторопный” < рус. *ветляной* “живой, подвижный, расторопный” (СРНГ 4:196). Следует отметить, что более поздние русские заимствования, особенно современные, входят в словарный состав северного наречия также без семантических изменений: гора “гора”, деректор “директор”, тыква “тыква”, време “время” и т.д.

2. Заимствования, претерпевшие семантические изменения: бакерок “фляжка” < рус. *бакирок* “ведро” (СРНГ 2: 59), передник “предбанник” < рус. *передник* “передняя комната” (СРНГ 26: 87) и т.д.

Некоторые неисконные лексические единицы в разных говорах северного наречия имеют разную семантику: ватлайтны в чураковском, пуксибском, левичанском и чазёвском говорах употребляется со значением “шить большими шагами, намётывать”, а в пятигорском и пелымском говорах — “пустословить, болтать”. Подобная дифференциация семантики связана, видимо, с разными источниками заимствования. Ср. *ватлать* “медленно и бестолково делать что-либо, копаться” Волог. (СРНГ 4 :71) и *ватлать* “говорить пустяки, пустословить, болтать” Вят. Перм. Волог. Сверд. Якут. Урал. Тобол. Амур. (СРНГ 4: 71).

1.2. Эмоционально-экспрессивная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка.

В каждом естественном языке слова, наряду с номинативной функцией, выражают эмоциональное состояние говорящего и его отношение к обозначаемым реалиям.

Как в любом литературном языке, в словарном составе северного наречия коми-пермяцкого языка основной пласт составляет нейтральная лексика, являющаяся нулевой “точкой отсчета”: кад “болотистый качающийся берег реки, озера”, летёрёс “поросль, ветки, выросшие за лето” и т.п.

Нейтральному пласту лексики противопоставлена лексика эмоционально-экспрессивно окрашенная. Наивысшую степень экспрессии имеют

бренные слова и ругательства: **найдан** “дармод”, **шабаль кӧч** “прохвость”, **логзя** “о женщине, девочке с неаккуратными волосами”, **вежбм** “нена-сытный” и т.п. Бренные слова применяются к предмету речи с целью нанести ему оскорбление, дать словесную пощечину и имеют крайне общее, аморфное или альтернативное предметное содержание. Они употребляются чаще в виде обращений или приложений к собственным именам или личным местоимениям.

Для выражения непочтительного, грубого отношения, брезгливости служат лексические единицы презрительного характера: **лекшӧртны** “сдохнуть”, **сӧдны** “долбануть”, **жӧргыны** “напиваться, наедаться”, **рукйӧсь** “дранный, изношенный”.

Пренебрежительно-фамильярным словам присуща также негативная оценка, хотя и меньшая по сравнению с бренными и презрительными: **выльыны** “уплетать”, **жевьыльны** “долго жевать”, **риксыны-горзыны** “плакать навзрыд”. Лексические единицы данной группы выражают бесцеремонное, грубоватое, уничижительное отношение говорящего, высокомерное обращение.

С пренебрежительно-фамильярными граничат иронические слова и выражения. Они содержат грубую насмешку: **зынбус** “салага”, **тогзыны** “трястись” и т.п. Основная их функция — выразить снисходительное отношение, указывая на недостатки обозначаемого.

Лексемы с шутильной окраской имеют частично положительную оценку: **дзундзель** “малышка”, **сярган** “болтливый человек”.

Такие слова как **дивӧ** “довольно много”, **дзимдзуг** “все в порядке”, **топытик** “плотненький” и т.п. имеют одобрительную окраску и положительную оценку.

В качестве ласкательных используются такие слова, как **матуш** “дорогая”, **гулю** “голубушка” и т.д. Они выражают чувства любви, нежности, умиления, сочувствия. Отдельную группу в составе данной категории слов составляет лексика детской речи. Как правило, большинство лексем этой группы являются общими для северного, южного наречий и литературного языка. Они обозначают 1) части тела: **кокок** “ноженька”; 2) животных: **чибӧ** “жеребеночек”, **чошу** “поросеночек”; 3) продукты питания: **льбӧль** “молочко”; **коко** “яичко”; 4) действия, которые совершают или которым подвергаются дети: **бабны** “лечь спать”, **дадны** “стоять на ножках”.

Слова детской речи также выражают чувства любви и нежности при условии, что употребляются в прямом значении. В переносном значении ласкательные слова могут быть шутильными: (**чошу** “поросенок, т.е. испачкавшийся”), ироничными (**кутю** “слепой”) и даже презрительными: (**дадны** “торчать на месте”).

Лексические единицы с негативной оценкой преобладают. Вероятно, это обусловлено психологией человека: больше внимания уделяется

отрицательным явлениям в поведении людей, тому, что выходит за рамки общепринятого поведения.

1.3. Современные процессы в лексике северного наречия коми-пермяцкого языка.

Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка в последнее время подвергается серьёзным изменениям. В зависимости от активного и пассивного употребления словарный состав наречия делится на две группы слов. Первую группу образуют диалектные единицы, общеупотребительные на данной территории и активно функционирующие в речи населения независимо от возраста – это так называемый *активный словарный запас*: **пёръясьны** “обманывать”, **матшка** “свекровь”, **баляняня//балянянь** “жимолость”, **няп** “шиповник; ягоды шиповника”.

Вторую группу образуют диалектные единицы, *переживающие процесс архаизации*. Эти слова сохраняются в речи только определенной группы населения, как правило, старшего поколения, постепенно переходя в разряд пассивных лексических единиц. Причины и формы архаизации различны. Во-первых, это уход из быта предмета, называемого диалектным словом, и, соответственно, самого слова: **пагёлъ** “чулки или носки, связанные без следка”, **моршень** “женский головной убор”, **сунлабич** “полка в кухне”, **мутовка** “примитивная мельница” и т.д. История подобных слов отражает процессы социальной перестройки деревни.

Во-вторых, в разряд устаревшей лексики переходят узкодиалектные слова. При анализе лексики северного наречия коми-пермяцкого языка мы выявили две основные причины перехода собственно диалектных слов в разряд архаизмов: влияние коми-пермяцкого литературного языка и влияние русского языка.

В связи с преподаванием литературного коми-пермяцкого языка в школе, изданием художественной литературы, появлением теле- и радиопередач литературный коми-пермяцкий язык оказывает некоторое влияние на словарный состав исследуемого наречия. В северном наречии иногда встречается сосуществование литературных и местных наименований предметов, явлений, качеств, действий. Приведем несколько примеров: диал. **няп** – лит. **жельнӧг** “шиповник”, диал. **пёръясьны** – лит. **бӧбӧтчыны** “обманывать”. Однако одни из них имеют неограниченную сферу употребления (**няп** — **жельнӧг**), а другие (**пёръясьны** — **бӧбӧтчыны**, **косясьны** — **тышкасьны**) используются только в определенной обстановке. Носители диалектов северного наречия хорошо знают также литературные соответствия и при необходимости разъяснить диалектное слово представителям других диалектов нередко вводят их в свою речь.

Переход в разряд архаичной лексики происходит также под влиянием русского языка. Например, **вӧктыны** “брезговать” встречается только в речи старшего поколения, среднее и молодое поколения употребляют

заимствование **брезгуйтны** “брезговать”; **коть** “ток, место, где токут птицы” на данный момент также заменяется заимствованный лексемой **ток** “тж”, исконная лексема молодым носителям северного наречия уже неизвестна. Процесс утраты исконных наименований и замена их русскими заимствованиями происходит довольно интенсивно. В этом отношении более уязвимыми оказались система числительных, названия предметов быта, черт характера человека и животных, свойств предметов.

Почти все носители северного наречия (за исключением небольшой части старшего поколения) владеют также русским языком. Являясь билингвами, они часто вводят русские слова вместо исконных без необходимости и употребляют их без особых изменений. Это способствует “обрусению” лексики северного наречия.

Архаизация исконных слов происходит еще по одной причине, которую можно назвать утратой определенных понятий, то есть из человеческого сознания “выпадает” какое-либо понятие и вместе с ним, естественно, лексема. Процесс утраты понятий в большей степени касается действий и признаков: **гырдосьмыны** “налиться кровью (о глазах)”, **кортмалны** “обмениваться товаром” и другие. Данному процессу подвергаются, в основном, узколокальные однозначные лексические единицы.

Утрачиваются наиболее “ценные” с лингвистической точки зрения лексемы, поэтому необходимо как можно быстрее зафиксировать их.

Глава 2. Диалектная лексика северного наречия коми-пермяцкого языка (ареальный аспект исследования). В результате анализа лингво-географических данных нами выделены севернокоми-пермяцкий ареал, центральный (южный), западный, юго-восточный, северный, мысовско-лупьинский микроареалы (см. карту).

Севернокоми-пермяцкий ареал.

Севернокоми-пермяцкий ареал занимает всю территорию северного наречия коми-пермяцкого языка, то есть кочёвского, косинско-камского и мысовско-лупьинского диалектов. На севере он граничит с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка, на западе, востоке и юге — с русскими говорами. Территория северного наречия, следовательно и севернокоми-пермяцкого ареала, характеризуется гнездовым расположением населённых пунктов, что объясняется в основном географическими условиями.

Уже в IX–XV веках чётко выделяются три основных района, в которых группируются памятники непосредственно связанной с предками коми-пермяков родановской культуры. Первый из них находится в Зюдинском районе, второй – в Чердынском и Гайнском, третий – в бассейнах Иньвы и Обвы (Бадер, Оборин 1958: 186). Следовательно, данный ареал довольно архаичный.

В разделе, посвящённом анализу и интерпретации изоглосс, охватывающих севернокоми-пермяцкий ареал, рассмотрено 15 лекси-

ческих единиц. Например, изоглосса **нѳръзыны** “отстояться (о молоке)” охватывает все говоры северного наречия: **нѳръѳм ни тай йѳлыс** “отстоялось уже молоко (сливки уже отделились)” (чур.). В южном наречии соответствующее по значению слово не зафиксировано. Эта лексема имеет соответствия в коми-зырянском языке: **ныръзыны** вым. иж. уд., **нѳръзыны** л. (Об.), лет., **нѳрдзыны** л. (Пор.), “закисать, закиснуть, сседаться, ссесться”, “превращаться, превратиться в простоквашу (о молоке) (ССКЗД: 436). Авторы КЭСК сравнивают её с мар. **нарангаш** “заплесневеть, зацвести (о жидкостях)” (КЭСК: 195), а слово **ныръзыны** вым. иж. уд. “закисать, закиснуть, ссесться, превратиться в простоквашу (о молоке)” сопоставлено с удм. **нориськыны** “заразиться”, “запачкаться, вывозиться”, отмечено, что коми и удмуртские слова сближает значение “стать несвежим, не цельным” – общеп. *nŭr- (отсюда кз. **ныръзыны**) > позднепермск. *nŏr- (отсюда кз. **нѳръзыны**, удм. **нориськыны**) (КЭСК: 197).

Таким образом, изоглосса **нѳръзыны** имеет генетический характер происхождения и характеризует ареал как архаичный. Отсутствие данного слова в южном наречии объясняется, вероятно, его утратой.

В некоторых говорах северного наречия коми-пермяцкого языка зафиксирована производная от **нѳръзыны** лексема **нѳръѳм** “сливки” (чур. пукс. б-коч. лев. чаз. пел. юкс. коч. иванч. пятиг.), образованная из причастия **нѳръѳм** “отстоявшееся (молоко)” способом субстантивации. Слово **нѳръѳм** “сливки” не зафиксировано в близкородственных языках, что позволяет расценивать его как севернокоми-пермяцкую инновацию.

Севернокоми-пермяцкий ареал выделяется как на базе собственно-лексических изоглосс, так и на основе семантических. Собственно лексическими являются следующие: **вили́н** “целина, новина”, **баля́ння** // **баля́нянь** “жимолость”, **жегды́ны** “бить, ударять”, “бить головой”, **ко́дя** “хороший”, **латшкы́т** // **латшкы́ник** “коренастый”, **ме́д** “пусть, пускай”, **мускы́т** “влажный”, **нѳръзыны** “отстояться (о молоке)”, **нѳръѳм** “сливки”, **нузгы́ны** // **назгы́ны** “гнусавить”, **ня́п** “шиповник”, **юмо́л** “сладковатый”. На семантическом уровне данный ареал представлен лексическими единицами: **жа́рѳтны́** “затопить (печь)”, **кымо́р** “туча”, “небо”, **ко́сясьны́** “драться, сражаться” и т.д.

Изоглоссы, охватывающие севернокоми-пермяцкий ареал, делятся на 1) севернокоми-пермяцко — коми-зырянские: **баля́ння** “жимолость”, **жегды́ны** “бить, ударять”, **латшкы́т** // **латшкы́ник** “коренастый”, **ме́д** “пусть, пускай”, **ко́сясьны́** “драться, сражаться”, **нѳръзыны** “отстояться (о молоке)”, **нузгы́ны** // **назгы́ны** “гнусавить”, **юмо́л** “сладковатый”; 2) собственно-севернокоми-пермяцкие: **ко́дя** “хороший”, **вили́н** “целина, новина”; 3) севернокоми-пермяцко — нижеиньвенские: **ня́п** “шиповник”; 4) севернокоми-пермяцко — удмуртские: **мускы́т** “влажный”.

С точки зрения происхождения выделяются *генетические* изоглоссы: напр., **ме́д** “пусть, пускай”, **юмо́л** “сладковатый” и т.д. Они восходят к

общекоми и более древним языковым системам. Отсутствие их в южном наречии объясняется утратой или инновационной заменой другими лексемами.

В составе изоглосс, на основе которых выделяется северокоми-пермьяцкий ареал, выявлены *ареально-генетические*: напр., *нузгыны // назгыны* “гнусавить”, *косясьны* “драться, сражаться”. Они возникли в общекоми праязыке в результате ареально-генетических контактов и охватывают северное наречие коми-пермяцкого языка и диалекты коми-зырянского языка.

Изоглосса *мускыт* “влажный” является, вероятно, *ареальной*, о чем говорит, с одной стороны, отсутствие ее в коми-зырянском языке, коми-язьвинском наречии и южном наречии коми-пермяцкого языка, с другой стороны, тот факт, что в IX — XIII веках на территорию зюздинцев, а затем и на территорию северного варианта родановской культуры начинает проникать удмуртское население (Оборин 1990: 59).

Наличие большого количества северокоми-пермяцко-коми-зырянских изоглосс (как лексических, так и семантических) говорит в пользу того, что контакты между коми-зырянами и северными коми-пермяками были более тесными (по сравнению с южными) и продолжались дольше.

Центральный (или южный) ареал.

Ареал, условно названный нами центральным, занимает южную половину северного наречия коми-пермяцкого языка. На юге, западе и востоке он граничит с русскими говорами. Изоглоссы этого ареала охватывают пуксибский, чураковский, левичанский, пятигорский, больше-кочинский, кочёвский, пелымский, юксеевский говоры.

В разделе, посвящённом интерпретации изоглосс, на основе которых выделен центральный ареал, проанализировано 8 слов. Лексема *сёрд* “место за чем-либо” употребляется в чураковском, больше-кочинском, левичанском, юксеевском, чазёвском, иванчинском говорах северного наречия коми-пермяцкого языка. В других говорах северного наречия и в южных диалектах лексико-семантические соответствия не выявлены. В коми-язьвинском наречии *сёрд* “задняя часть какой-либо площади (полатей, поля)” (КЯД: 182), в коми-зырянском языке: *сёрд* скр. “лес позади полей”. Лексема *сёрд* возводится к общеп. *s’ord (КЭСК:253). Изоглосса *сёрд* в настоящее время имеет узкий ареал распространения и является, вероятно, ареально-генетической или генетической по происхождению.

Центральный ареал представлен разными по характеру возникновения изоглоссами. Одни изоглоссы (генетические) характеризуют данную территорию как архаичную зону (зону консервации): здесь сохранились лексические единицы, утраченные или заменённые в остальной части коми-пермяцкого языкового пространства (напр., *комоль* “ком крутого теста для сочной”, *кызётны* “кашлять”). Вторая часть

изоглосс в настоящее время расцениваются как инновационные, т.е. возникшие на территории ареала (например, **гундыртыны** “заниматься домашними делами”, “шалить, баловаться”, **кипезёл: кагаыс кипезёл** “ребенок беспокойный”). Они характеризуют центральный ареал как инновационный.

Юго-восточный ареал.

Юго-восточный ареал (или ареал “Пуксиб – Левичи – Чураки”) расположен в юго-восточной части северного наречия коми-пермяцкого языка. Он представлен лексическими единицами, употребляющимися в пуксибском, левичанском, чураковском говорах: **бырöd** “вода, поднявшаяся на лёд”, **выллыны** “жадно есть”, **нумер** “огород”, **гышкöптыны** “снять что-либо, сдёрнуть”, **йöнöd // йöндöd** “низменный, сырой, болотистый луг”, **нöлмöm** “чуть тёплый”, **пабережка** “покос по берегу реки” и т.д. Лексема **нöлмöm**: **нöлмöm ва** встречается в чураковском, пуксибском, левичанском говорах в речи старшего поколения. Значение сочетания **нöлмöm ва** “чуть тёплая вода”. **Нöлмöm** является причастной формой от глагола **нöлмыны**, который как отдельная лексическая единица не зафиксирован. Глагол имеет значение “нагреться, потеплеть (о жидкостях)”.

Соответствия данного слова в близкородственных языках и в южном наречии коми-пермяцкого языка не зафиксированы, поэтому на данный момент его изоглоссу можно расценивать как инновационную. Однако, в большинстве случаев инновации являются производными от более древних или заимствованных лексических единиц и поэтому возникновение исследуемого слова на “пустом” месте спорно. Более вероятным нам кажется рассматривание лексемы **нöлмöm** как архаизма, утраченного другими близкородственными языками.

Юго-восточный микроареал представлен разными по происхождению изоглоссами. Наличие *генетических* изоглосс (**бырöd** “вода, поднявшаяся на лёд”, **нöлмöm** “потеплевший, нагретый”) характеризует данный ареал как зону консервации. Одни изоглоссы объединяют территорию юго-восточного ареала с коми-зырянским языковым пространством (**йöнöd // йöндöd** “низменный, сырой, болотистый луг”), другие с пермским (кз., удм.) (**бырöd** “вода, поднявшаяся на лёд”). *Ареальные* изоглоссы (**нумер** “огород”, **пабережка** “покос по берегу реки”) возникли в результате контактов с носителями севернорусских говоров.

Часть изоглосс, на основе которых выделен данный ареал, являются, вероятно, инновационными (**гышкöптыны** “снять одежду (резко, быстро)”, “снять нитку с клубка”, “зажав нитку ногтями, разгладить, чтоб не оталось узлов”, **выллыны** “жадно есть”) и характеризуют ареал как зону инноваций.

Западный ареал.

Западный ареал расположен в западной части северного наречия и занимает территорию кочевского, больше-кочинского, пелымского,

юксеевского, чазевского, иванчинского, даниловского, харинского и мысовско-лупьинских говоров. Наиболее населенной является южная часть данного ареала (юго-западная часть северного наречия). В северной части ареала населенные пункты с коми-пермяцким населением расположены на большом расстоянии друг от друга и вперемежку с русскими. Потому на территории ареала можно выделить юго-западный микроареал.

В разделе, посвящённом анализу и интерпретации изоглосс, охватывающих западный микроареал, рассмотрено 10 лексических единиц. Лексема **кочӧг** “колики” распространена в левичанском, чазевском, пельымском говорах, **кочег** “тж” — в пятигорском и мысовско-лупьинских. В пятигорском, чазевском и иванчинском говорах зафиксирована также глагольная лексема **кочкӧтны** “колоть (в боку)”, в пельымском говоре **кочкальны** “тж”. В других северных говорах и в южном наречии в значении “колоть (в каком-либо органе)” употребляется слово **бытшкӧ** “колет”. Эквиваленты субстантивной лексемы **кочӧг** // **кочег** отсутствуют. Следует отметить, что в пуксибском и чураковском говорах имеется выражение *кочег тойны* (букв. колики толочь), как способ народного лечения, однако значение слова **кочег** носителям данных говоров неизвестно.

Приведённые слова имеют соответствия в коми-язьвинском наречии: **кочег** “колики”, **кочег бӧчке**, **кочегӧез бӧчкӧнес** “в боку колет”, в коми-зырянском языке: **кочӧг** вым. печ. скр. уд., **кочег** вв. нв. се. “колики”, **кочкины** вым. лет. нв. скр. се, **кочкині** вв., **кочкавны** нв. уд., **кочсидзны** лет., **кочмунны** вым., **кочковтны** уд., “колоть (в боку)”, “надорваться (в пояснице)”.

Авторы КЭСК считают, что *koš'* — обозначает “колики, режущая боль, резь”. Под вопросом **кочӧг** сопоставлено с удм. **качаны** “свежевать и разрубать (тушу)”, общепермский корень реконструирован в форме **koš'* — “рубить, резать, колоть” (КЭСК : 137).

Кочӧг // **кочег** и глагольные лексемы **кочкӧтны**, **кочнальны** являются исконными, в остальных говорах они, вероятно, также имели место, но впоследствии, видимо, были утрачены.

Таким образом, изоглосса **кочӧг** // **кочег** является генетической и характеризует данный ареал как архаичный.

По характеру возникновения выделяются изоглоссы 1) *генетические* (напр., **кочӧг** // **кочег** “колики”, **косьны** “снимать мох”, **пӧртмасьны** “дурачиться, строить из себя дурака”, “меняться перед болезнью”); 2) *ареальные* (**капусьник** “огород”, **бедниччыны** “прибедняться”, **шемела: шемела песны** бездельничать”, “баловаться”); 3) *ареально-генетические* (напр., **ыждачны** “отказываться, чваниться”, **жугыльтчыны** “худеть”, “злиться”). Ареальные изоглоссы получили распространение в результате контактов с русским населением. Наличие генетических изоглосс характеризует ареал как архаичную зону. Отсутствие их в восточной части север-

ного наречия объясняется утратой (напр., *кочӧг*) или заменой другими лексемами.

Инновационные изоглоссы возникают в результате словосложения (*джумдор < джум и дор*) и в результате заимствования (напр., *капусьник, бедниччыны*). Они характеризуют западный ареал как зону инноваций.

Северный ареал.

Северный ареал занимает северную половину исследуемого наречия. Изоглоссы ареала охватывают мысовско-лупьинские, пятигорский, харинский, даниловский, иванчинский говоры. На данной территории населённых пунктов с коми-пермяцким населением мало, друг от друга они отделены русским населением, поэтому связь между ними не постоянна. Следствием этого является относительно небольшое количество общих лексем и выделение более мелких микроареалов.

В разделе, посвящённом анализу изоглосс, на основе которых выделен северный ареал, рассмотрено 6 слов.

Изоглосса *лыва* “лу́жа” охватывает харинский и даниловский говоры северного наречия. В других говорах коми-пермяцкого языка с этой семантикой употребляется слово *гӧп*. Лексема *лыва* имеется в русском языке: ср. *лыва* сев. “лу́жа, мочежина, полый от дождя, разлива, родников (Даль 2 : 275); *лыва, лива* “зыбкое топкое место в болоте, лужа после дождя” (Фасмер 2:539). Таким образом, слово *лыва*, вероятно, было заимствовано из северных говоров русского языка, куда оно проникло из финского или карельского: ср. ф. *liiva* “ил”, “тина” (Фасмер 2:539). В этом случае изоглосса имеет ареальный характер происхождения.

Лексема *лыва* зафиксирована также в пятигорском говоре исследуемого наречия в составе фразеологизма: *лывавыс абу* “тупой, неумный” (букв. нет чего-то (того, что названо *лыва*). Это слово не связано семантически с лексемой *лыва* “лу́жа”, поэтому в данном случае речь идет о диалектных различиях, выделяемых на базе материальной общности слова при разнице в значениях. Лексемы *лыва* “лу́жа” и *лыва* в составе фразеологизма имеют полные семантические различия.

Лексема *лыва* во втором случае является, по всей вероятности, сложным образованием: *лы* “кость; костный” и *ва* “вода”. Возможно, слово *лыва* имело значение “костный мозг” (< “костная жидкость”). Отсутствие лексико-семантических эквивалентов *лыва* позволяет расценивать изоглоссу как инновационную.

Данный ареал выделяется как на лексическом, так и на семантическом уровнях. Лексическими изоглоссами являются, например, *йӧй* “глупый, глупец”, *дзӧйна* “синица”, семантическими: *вильдас* “пресная брага, употребляющаяся для подновления”.

В составе изоглосс, на основе которых вычленяется северный ареал, имеются изоглоссы, объединяющие данную территорию 1) с коми-зырянским языком (*йӧй*), 2) с русскими говорами (*лыва*), а также соб-

ственные, т.е. образованные на территории исследуемого ареала (семантическая изоглосса **вильдас** “обновлённый квас”, **няшнитны** “вырвать со злостью”).

С точки зрения происхождения изоглоссы характеризуются как 1) *генетические* (**ййй, дзойна**), т.е. восходящие к общекоми и более древним пластам; 2) *ареальные* (**лыва**), возникшие в результате контактов. Наличие в исследуемом ареале генетических изоглосс, отсутствующих в других говорах, характеризует его как зону консервации. С другой стороны, распространение инноваций (**вильдас, няшнитны**) характеризует ареал как инновационную зону.

Мысовско-лупьинский ареал.

В составе северного наречия коми-пермяцкого языка наиболее четко выделяется мысовско-лупьинский ареал. Он представлен большим количеством лексических единиц, употребляющихся в мысовско-лупьинских говорах и отсутствующих на остальной территории.

Мысовско-лупьинский ареал занимает территорию мысовско-лупьинского диалекта, то есть д. Мысы, п. Жемчужный, д. Сойга, д. Конопля. К данным населенным пунктам можно причислить также п. Кебраты, п.В-Будым и п. Гайны, являющиеся преимущественно русскоязычными, на том основании, что туда переселилась часть населения верх-лупьинских и мысовских деревень. Выделенный ареал “оторван” от коми-пермяцких населенных пунктов и граничит с верхневычегодским диалектом коми-зырянского языка.

На территории исследуемого ареала самые ранние археологические памятники (городище, могильники, селище) относятся к родановской культуре X—XIII веков. “Очевидно, верховья р. Лупьи начали заселяться предками коми-пермяков с X века, а в XII—XIII веках здесь уже появляются, как и в других районах распространения Родановской культуры, небольшие сильно укрепленные городища” (Оборин 1958:13). Первые упоминания о данной территории относятся к 1579 году. И.Я. Кривошеков указывал на особенности, отличающие население данной территории от остальных коми-пермяков и отмечал, что “в местной литературе и в общерусской принято лупьинцев считать зырянами” (Кривошеков 1914:550). Однако, он не был согласен с этим мнением, обосновывая свою точку зрения историческим прошлым и тем, что “сами жители Лупьи считают себя пермяками, хотя иногда и женятся на зырянках из Вологодской губернии” (там же: 550).

В разделе, посвящённом мысовско-лупьинскому ареалу, проанализировано 33 слова. В качестве примера приведём слово **вугыр гаг** “дождевой червь”. Оно зафиксировано в речи носителей мысовского и верх-лупьинского говоров: *вугыр гагйез колё эськё* “дождевых червей надо бы”. В остальных говорах северного наречия коми-пермяцкого языка, как и в южных диалектах, употребляется слово **нидзыл** “тж” (южн.

нидзыв). В некоторых говорах кудымкарско-иньвенского диалекта южного наречия встречается лексема **чери гаг** “дождевой червь”. Наименование **вугыр гаг** образовано из двух слов: **вугыр** “удочка” и **гаг** “червь”. В основу номинации положен способ использования обозначаемого — “червь, которого насаживают на удочку”.

Данное слово не имеет соответствий в других родственных языках, поэтому его можно считать собственно мысовско-лупьинской инновацией.

Мысовско-лупьинский ареал выделяется как на собственно-лексическом, так и на семантическом уровнях. В составе *собственно лексических изоглосс* вычлениаются: а) *мысовско-лупьинско — коми-зырянские изоглоссы*: **аски** “завтра”, **чөж** “во время чего-либо, в течение чего-либо”, **гөгөрвоны** “понимать, понять”, **гач** “штаны”, **гудөк** “гармонь”, **дерт** “конечно”, **кырсалны** “гулять, развратничать”, **пач** “печь”, **рушку** “живот, брюхо”, **сөмын** “только”, **сөрны** “врать, лгать”, **скөр** “злой, сердитый”, **коньөр** “бедный, жалкий”, **понтшак** “поганка” и другие; б) *собственно мысовско-лупьинские изоглоссы*: **айкаа** “замужняя”, **айкатом** “незамужняя”, **вугыр гаг** “дождевой червь”, **шерба** “уха”; в) *мысовско-лупьинско — нижеиньвенские изоглоссы*: **аттыны** “молиться”.

К числу *семантических изоглосс* относятся: **көсийны** “хотеть”, **лыддыны** “читать”, **кулубук** “валуй”. В мысовско-лупьинском ареале перечисленные лексические единицы имеют семантику, отличную от коми-пермяцкой и тождественную коми-зырянской.

Классификация изоглосс по характеру их возникновения вызывает большие сложности. Мысовско-лупьинско — коми-зырянские изоглоссы носят, видимо, ареальный характер происхождения, то есть являются заимствованиями. Однако выделить характер заимствования (контактный или субстратный) невозможно, так как мысовско-лупьинские говоры граничат с коми-зырянскими, следовательно возможны контактные заимствования. Имеются также сведения о том, что жители исследуемой территории женились на коми-зырянках, и выходили замуж за коми-зырян (Кривошеков 1914: 550). Для более точных выводов необходимы дополнительные этнографические, археологические, исторические данные, которые в настоящее время пока отсутствуют.

Мысовско-лупьинско — нижеиньвенские изоглоссы носят ареально-генетический или ареальный характер. Следует отметить, что процесс распространения изоглосс в нижеиньвенские был осуществлен, вероятно, в то время, когда территория смежных современных соликамских говоров (русских) была занята коми населением.

Общая статистическая картина изоглосс, на основе которых выделен северокоми-пермяцкий ареал и ряд микроареалов, представлена в таблице:

изоглоссы ареалы	генетические	ареально- генетические	ареальные	собственные инновации
севернокоми- пермский	6 (7) 40% (46,66)	2 13,3 %	1 (2) 6,66 % (13,3)	6 (4) 40 % (26,66)
центральный	3 (4) 37,5 % (50)	2 (1) 25 % (12,5)	— —	3 37,5 %
юго-восточный	2 (1) 28,6 % (14,3)	1 14,3 %	2 (3) 28,6 % (42,8)	2 (3) 28,6 % (42,8)
западный	3 30 %	2 20 %	4 40 %	1 10 %
северный	2 (3) 33,3 % (50)	1 (-) 16,66 % (-)	1 16,66 %	2 33,3 %
мысовско- лупьинский	9 (8) 27,3 % (24,2)	1 (2) 3% (6)	19 57,9 %	4 12,1 %
всего изоглосс:	25 (23)	9 (6)	27 (25)	18 (17)
в процентах:	31,6% (29,1)	11,4 % (7,6)	34,2 % (31,6)	22,8 % (21,5)

Из сводной таблицы видно, что в севернокоми-пермском ареале преобладают генетические изоглоссы (40 или 46,66 %), на втором месте — севернокоми-пермские инновации (40 или 26,66 %).

Сравнение микроареалов показало, что по степени сохранения исконной лексики на первом месте стоит центральный ареал (37,5 или 50 %), затем северный, западный, мысовско-лупьинский и юго-восточный. Генетические изоглоссы восходят к общекоми и более древним языковым системам. Отсутствие их в других говорах коми-пермского языка объясняется утратой или заменой более поздними инновациями.

Ареально-генетические изоглоссы сконцентрированы в центральном (25%) и западном (20%) микроареалах. Изоглоссы данного типа являются инновациями, получившими распространение в результате ареально-генетических отношений между пракоми диалектами, занимавшими смежные ареалы (напр., **ыждачны** “отказываться, отнекиваться”, **косясьны** “драться, сражаться”, **нузгыны** “гнусавить, говорить через нос”). Ареально-генетические изоглоссы охватывают северное наречие коми-пермского языка и некоторые диалекты коми-зырянского (вв. лл. сс. вс. скр. печ.). В.А.Ляшев склонен считать эту зону ядром общекоми языкового единства (Ляшев 1984:45).

По количеству ареальных изоглосс мысовско-лупьинский ареал превосходит все остальные (57,6 %). Преобладание ареальных изоглосс в мысовско-лупьинских говорах объясняется, вероятно, былыми тесными контактами населения смежных территорий.

На втором месте по количеству ареальных изоглосс стоит западный (40 %), далее юго-восточный ареал (28,6 (или 42,8) %). Ареальные изо-

гlossы данных ареалов возникли в результате маргинального заимствования из русских говоров.

По количеству собственных инноваций центральный ареал превосходит все остальные микроареалы (37,5%), затем идут северный (33,3 %) и юго-восточный (28,6 (или 42,8) %). Инновации в северном наречии коми-пермяцкого языка возникли в ходе развития языка: 1) за счёт собственных языковых ресурсов: а) в результате переосмысления (возникновение семантических инноваций) (напр., жаротны “затопить”; б) путём словосложения (напр., вилин “целина, новина”, джумдор “обрыв; крутой берег”); в) путём суффиксации (напр., айкаа “замужняя”, няшнитны “вырвать со злостью”); 2) в результате контактов с соседними народами. Большинство из них является лексическими элементами, проникшими из русского языка (напр., лыва “лужа”, бедниччыны “прибедняться”).

Таким образом, лексика северного наречия характеризуется большой пестротой разных видов изоглосс. Раскрытие синхронной лингвогеографической картины способствует определению основных компонентов современной северокоми-пермяцкой региональной речи.

В заключении диссертации делаются выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Перым коми фразеологизмъяслон пытшкõсса форма // XVI IFUSCO: тезисъяс. — Сыктывкар, 1999. С. 65-66.

2. Диалектная лексика в романе С.А.Федосеева “Съод цветтэз” // Тезисы докладов научно-практической конференции “Коми-пермяцкий язык и литература во взаимодействии с другими языками, обновление методики их преподавания”. — Кудымкар, 2000. — С. 103-106.

3. On russian borrowings in the kosino-kama dialect of the komi-permian language // IFUSCO XVII. — Tallin, 2000. — S. 62-63.

4. Некоторые лексико-семантические особенности косинско-камского диалекта // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Тезисы докладов и выступлений. — Кудымкар, 2000. — С. 73-74.

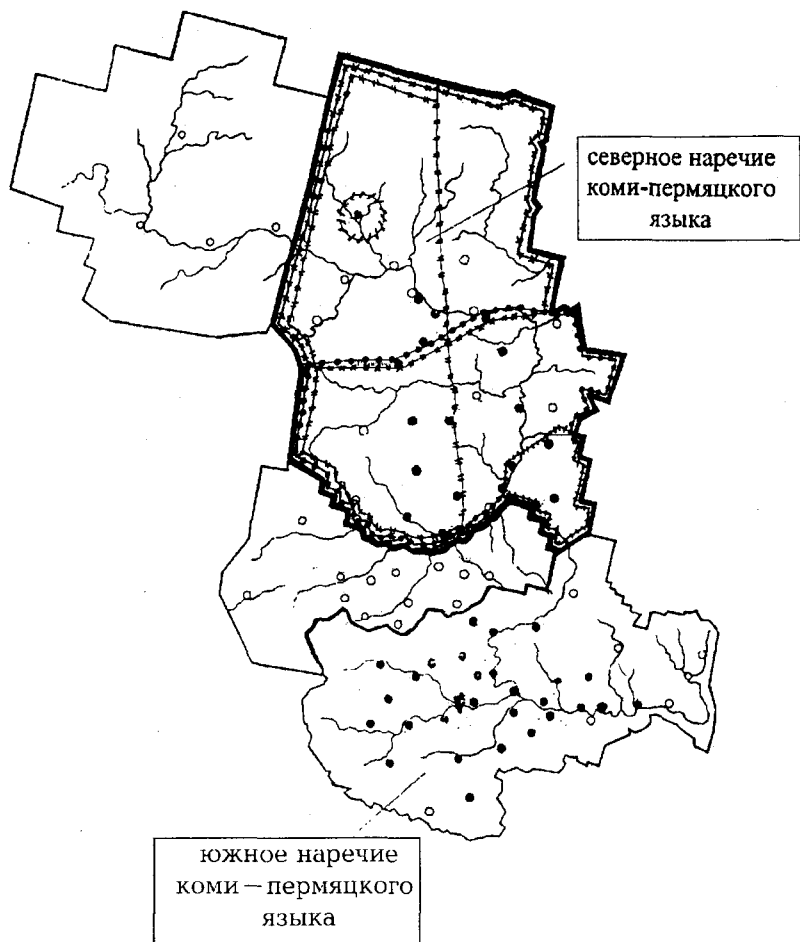
5. Лексика верх-лупьинского и мысовского диалектов коми-пермяцкого языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. — Сыктывкар, 2001. — С. 270-274.

6. Диалекты северного наречия коми-пермяцкого языка на современном этапе развития // Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов. — Ижевск, 2002. — С. 426- 434.

7. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка (на материале верх-лупьинского и мысовского диалектов) // Научные издания московского Венгерского Колледжа II/ 1. — М., 2002. — С. 311-317.

8. Перым коми войвыв наречиеса кывворын õня вежсьõмьяс // IFUSCO XVIII. — Helsinki, 2002. — S. 36-38.

Карта "Распространение ареалов северного наречия
коми-пермяцкого языка"



Тираж 100.

Заказ № 89.

Издательство Коми научного центра УрО РАН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48.